

Для Цзиньли Банкет в канун Нового года остался в прошлом, но в Башне Весенней реки он только набирал обороты.

На самом деле, едва услышав слова служителя борделя, Сы Вэй посмотрел на чернильную тьму за окнами Башни Весенней реки и на мгновение остро захотел просто уйти. Но нельзя. Сбежать-то можно, да только далеко не уйдёшь — проблемы всё равно настигнут.

В главном зале покоев Чуньнян зажигали всё больше светильников. Плотную портьеру, защищавшую от сквозняков, сменил лёгкий кисейный полог. Впрочем, при такой суматохе толку от него было мало — люди то и дело сновали туда-сюда.

Приподняв кисею, Сы Вэй вошёл внутрь. Там по-прежнему топились жаровни, но ковёр с пола уже убрали. Вместо него посреди комнаты красовался огромный медный таз — в таком впору купать младенца. В таз уложили невесть откуда добытое узловатое корневище, подперев его снизу побелевшими от жара углями. Изогнутые, точно когтистые лапы, ветви цеплялись за края посуды, распространяя по комнате благодатное тепло.

Чуньнян разулась и, оставшись в одних носках, вытянула скрещенные ноги поближе к огню. Сама она при этом сидела вполоборота к придвинутому письменному столу, заваленному списками Банкета в канун Нового года.

То и дело в комнату шмыгали молодые служанки: они торопливо выкладывали на стол деревянные бирки, записки и серебро, после чего сразу исчезали. Стоявшая у стола пожилая прислужница тут же подхватывала принесённое, делала пометки в конторской книге и передавала записи Чуньнян на проверку. Время от времени сквозь толпу протискивались запыхавшиеся служители борделя. Они склонялись к самому уху хозяйки, торопливо шепча новости, и в ответ получали то ценные указания, то отборную брань.

Разогнав окруживших её слуг и служителей борделя, Чуньнян подняла голову и заметила Сы Вэя, который бесшумно вошёл и уже какое-то время стоял у порога. Она поманила его рукой:

— Подойди.

Сы Вэй послушно сделал несколько шагов вперёд и остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Вы звали меня, матушка Чуньнян? — спросил он, глядя на неё снизу вверх.

Хозяйка хмыкнула и, даже не подумав предложить ему присесть, коротко спросила:

— Проводил Цзиньли?

— Проводил, — ответил Сы Вэй.

— Вот и ладно, — кивнула Чуньян. Опираясь на подлокотники, она выпрямилась в кресле, не сводя с мальчика внимательного взгляда. — Твои затеи на сцене я сама не видела, но мне уже во всех деталях доложили. Не знаю, где ты нахватался этих штучек с декорациями, но вышло на удивление свежо. Главное — публике понравилось. А это дорогого стоит.

Она сделала паузу, поправила складки платья и продолжила:

— Цзиньли всегда танцевала лучше всех в нашей Башне. Но в нашем деле девок пруд пруди, каждая так и норовит из кожи вон вылезти, лишь бы удивить. Как бы хорошо ни танцевали, для этих мужланов танец — просто красивая картинка. Ни черта они в искусстве не смыслят.

Сы Вэй вежливо, профессионально улыбнулся. В прошлой жизни ему частенько приходилось умасливать капризных клиентов и начальство, так что сейчас этот навык сработал без сучка и задоринки. В его лице сквозило ровно столько скромности и почтения, сколько требовалось, хотя от собственной привычки лебезить ему самому стало тошно.

— Если бы не ваше великодушие, матушка, и не помощь госпожи Чжао, которая достала тончайший туманный газ и зеркала, на сцене не было бы ничего, кроме унылых портьер. И госпоже Цзиньли пришлось бы выступать в полном одиночестве.

Чуньян лишь снисходительно усмехнулась, отчего у уголков её глаз собрались мелкие морщинки. За долгие годы в весёлом квартале она не растеряла хватку и не сидела сложа руки. Ей довелось повидать сотни сцен и тысячи девиц. На каждом ежегодном Празднике прогулочных лодок она внимательно наблюдала, как другие хозяйки борделей из кожи вон лезут, чтобы выставить своих подопечных в лучшем свете.

Обычно ведь как у всех? Огородят подмости ширмами, лишь бы гостям снизу всё было видно, да и ладно. А тут — ледяные глыбы, зеркальные отражения, зыбкий полумрак и игра теней... Стоило представлению закончиться, как к Чуньян уже прибежали служанки от других здешних девиц — выведывать секреты мастерства.

Людам со стороны кажется, будто девки попадают в эти заведения безвестными и уходят из них незаметно, в безмолвии. Но это лишь видимость. По неписаному закону Башни Весенней реки, едва примерив тёмно-красный подвенечный наряд, уходящая не имеет права вымолвить ни слова, кроме слов благодарности. Былые обиды, слезы расставания, зависть подруг — всё должно остаться за запертыми губами.

Цзиньли уходила в полном одиночестве. Никто из прежних подруг не вышел её проводить, и лишь чужак, не имеющий отношения к весёлому дому, шагал рядом. Переступив порог, она навсегда оборвала все нити, связывавшие её с этим местом. Но сколько тоскливых, полных зависти взглядов сверлили её спину! Каждая из оставшихся девиц втайне грезилась о том дне, когда она сама вот так же переступит этот порог и обретёт свободу.

Чуньян усмехнулась:

— Ну и наглец же ты. Испортить туманный газ по десять лянов за рулон, да ещё и красками расписать... Ну да ладно, узоры там бледные, отстираются после пары полосканий. Впрочем, я позвала тебя по двум делам.

Она пошарила среди кипы grossбухов и выудила небольшой поднос, накрытый красной парчой. Водрузив его на столик перед Сы Вэем, Чуньян небрежным жестом сдёрнула ткань. Под ней тускло блеснули аккуратные серебряные слитки. Мальчик невольно прищурился от удивления.

На подносе ровными рядами лежали десять слитков — по пять в каждом ряду. Каждый весил чуть меньше тех разрозненных кусочков ломаного серебра, что недавно всучила ему Цзиньли.

По правде говоря, за две прожитые жизни Сы Вэй уяснил одну простую истину: никогда не верь обещаниям хозяев. Любой делец — это прирождённый лжец, чьи щедрые посулы не стоят и ломаного гроша.

Тем временем Чуньян заговорила вкрадчивым голосом:

— Первое дело — это моё обещание. Цзиньли приглянулась столичному вельможе, так что я, как и обещала, жалую тебе сто лянов серебра. Здесь ровно десять слитков по десять лянов каждый. Забирай, они твои.

На долю секунды у Сы Вэя сладко заныло под ложечкой, но холодный рассудок мгновенно взял верх. Он не поддался искушению блестящего металла; напротив, в его душе зашевелилось нехорошее предчувствие.

— Благодарю за щедрость, матушка, но я не смею принять столь дорогую награду без должных на то заслуг, — спокойно произнёс он. — За устройство судьбы госпожи Цзиньли платить следовало ей самой, а не вам.

Сы Вэй прямо посмотрел на увядающую, но всё ещё соблазнительную хозяйку Башни.

— К тому же, когда я только пришёл к вам, моя матушка была при смерти, — твёрдо добавил он. — Вы и без того потратились на её лечение. Взять эти деньги сейчас было бы верхом неблагодарности.

Чуньян слегка нахмурилась, словно силясь припомнить эти обстоятельства. Немного подумав, она протянула:

— Твоя мать... Да, помню. Я ведь отправляла старуху Лю присматривать за ней. Недавно до меня доходили вести: лекарь из Зала Спасения мира лично навещал твой дом и выписал новый рецепт. Что ж, если ты отказываешься от наличных, давай поступим иначе. Я пущу эти сто лянов на оплату счетов в аптеке и услуг лекаря. И если госпоже Ю не полегчает, ты сможешь и дальше призывать врачей за мой счёт. Будем считать, что я выплачу тебе долг лекарствами.

Идёт?

Болезнь госпожи Ю тянулась уже больше полугода, истощив скудные семейные сбережения дочиста. Постоянный поиск средств на лекарства был главной заботой Сы Вэя, поэтому, взвесив все за и против, он решил согласиться на предложение хозяйки.

Однако в душе он понимал: бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Все эти красивые жесты с серебром и заботой о больной матери — не более чем разыгранный по нотам спектакль. Чуньян соткала вокруг него изящную паутину лжи, и теперь пришло время выяснить, куда ведёт эта ниточка и какой интерес преследует старая лиса.

Мысль о том, что ему действительно позволили бы уйти отсюда с полным подносом серебра, казалась Сы Вэю смехотворной. Чуньян зубы съела на общении с отребьем всех мастей и знала здешние повадки как свои пять пальцев. Захоти она одарить его по-настоящему, вручила бы лёгкие и незаметные кредитные билеты. А тут — ровные, лоснящиеся слитки в форме полумесяцев-юаньбао. Стоит завернуть их в красную тряпицу и повесить на плечо — любой уличный ворюшка сразу смекнёт, какую добычу несёт ребёнок.

Опыт прошлой жизни подсказывал: отпускать десятилетнего ребёнка с богатством на улицу — чистое безумие.

«Ребёнок, несущий золото по рынку, — для местных грабителей это ходячая гора сокровищ»

И ладно бы обычные разбойники, но ведь Сы Вэй сейчас одет девчонкой. Мало кто станет поднимать на ноги уезд ради пропажи безвестной девчушки — не мальчик же, не наследник рода. Поищут для виду день-другой и забудут. А если похитители увидят смазливое личико и мешок серебра, то девчонку не просто оберут, а перепродадут в подобный весёлый дом за пару лишних монет.

Вывод напрашивался сам собой: Чуньян выставила эти слитки напоказ исключительно ради проверки. Она и не думала их отдавать. Но даже если бы Сы Вэй оказался глуп и забрал их, хозяйке стоило лишь шепнуть словечко нужным людям, и толпа местных бродяг с радостью оказала бы ей услугу. Мальчика ограбили бы в первом же переулке, а Башня Весенней реки эффектно «спасла» бы его из рук негодяев, привязав к себе вечным долгом благодарности.

Сы Вэй решил не искушать судьбу. Он послушно нацепил маску скромного, простодушного ребёнка и тихо улыбнулся, заговорив о матери. Раз уж хозяйка так жаждет прослыть благодетельницей, пускай её щедрость послужит реальному делу — лечению госпожи Ю.

Убедившись, что Сы Вэй принял её «заботу», Чуньян улыбнулась уже более искренне.

— А теперь второе дело, — промолвила она, откидываясь на спинку кресла. — Я хочу, чтобы ты взял на себя устройство Праздника прогулочных лодок.

— Праздника прогулочных лодок? — недоумённо переспросил Сы Вэй.

Название праздника показалось ему знакомым, но он никак не мог припомнить, где именно о нём слышал.

Чуньнян тяжело вздохнула:

— Наш уезд Цзю не назовёшь ни великим, ни малым. Но упёршись в тупик улицы Цзиньань, в южном Переулке Цветов и Ив, ты обнаружишь добрый десяток борделей, чайных домиков и притонов разного пошиба.

Она презрительно хмыкнула и лениво щелкнула ухоженным ногтем по краю стола.

— Подумай сам, много ли в нашем захолустье богатых бездельников да кутил? Сколько серебра они способны оставить в этих объятиях? Мужчины глупы и падки на женскую ласку, спору нет, но с какой стати им нести свои денежки именно в нашу Башню, а не к конкурентам?

Чуньнян вздёрнула подбородок и медленно выпустила струйку воздуха.

— Наш сегодняшний банкет в канун Нового года — это лишь подведение итогов. Мы даём девочкам шанс показать себя и набить цену напоследок перед весной. А вот Праздник прогулочных лодок, который гремит в пятнадцатый день первого месяца на Юаньсяо, — это настоящая война за выживание между всеми заведениями южного квартала.

На юге уезда Цзю раскинулось огромное озеро Цинпин, широкое и глубокое, точно море. По его водам скользят расписные прогулочные суда-хуафан. Те из них, на чьих носах горят жёлтые гардениевые фонари, предлагают гостям те же улады, что и наша Башня.

— Лет пятнадцать назад один именитый столичный сановник оставил службу и основал на южной горе Цинпин академию, — пустилась в объяснения Чуньнян. — Со всех концов поднебесной туда хлынули молодые книжники. Разумеется, следом за ними на озере появились и плавучие весёлые дома.

Она иронически усмехнулась:

— Эти надутые индюки обожают обставлять свои попойки изысканно. Подают им, видишь ли, «простые горные яства», свежайшую озёрную рыбу, блюда, украшенные лепестками сезонных цветов... А уж развлекают их особой музыкой. Знаешь, под какие напевы они глушат вино?

Чуньнян сделала паузу и язвительно зашипела:

— Под древние храмовые гимны! То «Богатый урожай», то «Священная птица», то «Труды

государя»... Сакральная музыка, которой в древности почитали предков и богов! И под этот грохот барабанов недоучки мнят себя великими мудрецами древности: спорят до хрипоты об устройстве государства или завывают хором, обнявшись с девками...

Сы Вэй едва не поперхнулся слюной. О гимнах вроде «Священной птицы» он не имел ни малейшего представления, но прекрасно понимал значение слова «сакральный». Эти песнопения походили на торжественные оды из древней «Книги песен» — их исполняли исключительно во время храмовых служб или пышных императорских приёмов. В них воспевали величие Неба и Земли, заслуги предков, богатые урожаи и мудрость правителей.

И вот под эти священные мотивы будущая опора империи предавалась блуду и пьянству на борту весёлых лодок, распевая хором благочестивые тексты?

Сы Вэй лишь мысленно развёл руками.

«Век живи — век учись. Похоже, я слишком отстал от жизни со своими консервативными взглядами»

<http://bllate.org/book/18280/1761976>